

ОТЗЫВ

на диссертацию Мица Дениса Сергеевича
«Конституционно-правовые ценности и механизмы в сфере противодействия
противоправным посягательствам на конституционный строй
(сравнительно-правовое исследование)»

Диссертация посвящена конституционно-правовым аспектам защиты от ряда деяний, представляющих серьёзную общественную опасность, посягающих на конституционный строй. Среди таких деяний: акты террора, насильственное изменение основ конституционного строя. Диссертация обращает основное внимание на баланс между защитой общества и государства от подобных экстремистских действий и защитой конституционно-правовых ценностей, прав и свобод человека. Определённые ограничения прав, нацеленные на обеспечение защиты, не должны быть чрезмерными.

Это вполне реальная проблема. Она была актуальна всегда. Но мы помним, что её обсуждение приобрело особую остроту после террористического акта 11 сентября 2001 года в США. Данная тема оказалась объектом внимания международного сообщества правоведов. И поставленные уже тогда вопросы приобретают сегодня, у нас особое звучание в свете российского опыта. Насколько и в какой мере может быть ограничена свобода массовой информации при освещении террористических актов, и вообще, при анализе террористической деятельности? Насколько можно позволить государству проникать в область личных свобод в связи с борьбой с террористами? Наконец, возможно ли использование борьбы с террором в качестве предлога для фактического свёртывания демократии?

Автор диссертации в той или иной мере затрагивает эти вопросы, размышляет над ними. Представляется, что сейчас ощущается потребность в серьёзном и профессиональном анализе данной области отношений между

государством и индивидом. Автор стремится внести свой вклад в идущую в последние годы научную и научно-политическую дискуссии.

Работа Дениса Мица включает три главы. Они посвящены как характеристике современного состояния исследуемого сегмента законодательства Российской Федерации и в других государствах, так и предложениям по его совершенствованию.

Определённое внимание уделено теоретическому аспекту проблемы. Автор предлагает собственные определения конституционных ценностей и конституционного строя. В качестве одной из целей выработки и точного формулирования указанных ценностей он видит достижение общественного консенсуса. В теоретической части работы автор формулирует вывод: *«определение баланса и адекватности – краеугольный камень в вопросе об определении меры допустимого ограничения тех или иных прав»* (с. 24). И этот вывод получает развитие и оформление в других частях работы – там, где речь идёт уже об анализе конкретных нормативных актов. В сущности, можно сказать, что автор стремится показать различные варианты достижения указанного баланса на примерах различных государств, более или менее успешно противостоящих радикальным политическим течениям и терроризму.

Следует отметить, что диссертация представляет собой сравнительное исследование (что отражено в подзаголовке). Автор, подразумевая глобальный, международный характер борьбы с терроризмом, обращается к конституционно-правовому опыту различных зарубежных стран.

Весьма интересен в данном контексте опыт Германии. Автор обращает внимание на то, что в ФРГ в качестве структуры подчинённой МВД создано Федеральное ведомство по охране Конституции. Именно оно должно контролировать соблюдение равновесия между действиями силовых ведомств по защите от радикалов и обеспечением всех важнейших прав

человека. То есть, по сути дела, данное ведомство, подчиняясь МВД, проводит волю Конституционного Суда Германии.

В диссертации рассматривается конституционная практика Индонезии, где в течении последнего десятилетия произошло несколько крупных террористических актов, и где действует ряд радикальных группировок (в частности, «Джамиат Исламия»), рассматривающих насилие в качестве основного инструмента. Все они запрещены, против них ведётся жёсткая борьба. При этом полномочиями по ликвидации подобных групп и политических партий обладает Конституционный суд, согласно правовым позициям, которого ликвидация политических партий не должна выливаться в «развитие недемократической практики» и ограничению политических прав граждан. Партия может быть запрещена, если будет доказано, что её идеология, программа и фактическая деятельность противоречат Конституции.

Следует отметить, что в Индонезии в течении 33 лет (с 1965 по 1998 годы) действовал жёсткий авторитарный режим, который так и не решил проблему радикальных группировок. Современное индонезийское государство, ведя упорную борьбу с радикалами, стремится не допустить возвращения к антиконституционным практикам, к авторитарным методам и традициям.

Автор диссертации также подробно рассматривает конституционно-правовой опыт Израиля. Предметом анализа служит соотношение между рядом базовых норм, обеспечивающих права человека и положениями закона «О борьбе с терроризмом».

Важное место в работе занимает исследование влияния международного права на действующие в государстве правовые механизмы защиты конституционного строя от террористических и прочих экстремистских посягательств.

Диссертант обращает внимание на неполноту международно-правового регулирования некоторых областей отношений, связанных с внутригосударственными конфликтами. Во всех ли случаях, когда в том или ином государстве возникают неправительственные (или антиправительственные) вооружённые формирования их следует относить к «террористическим группировкам»? Автор замечает, что чрезмерно общий характер данного термина не всегда позволяет использовать международно-правовые инструменты для поддержки национальных конституционно-правовых механизмов. Национальное законодательство, как правило, относит указанные негосударственные формирования к террористам, а если даже и не относит, то международное право не предлагает никаких критериев для дифференциации. Поэтому возникают серьёзные вопросы и разногласия при оценке таких, например, организаций как «Хезболла» в Ливане, Свободная сирийская армия в Сирии или, скажем, ДНР в Украине.

Это весьма серьёзный и болезненный вопрос.

Диссертант тщательно анализирует конструкции и формы конституционных запретов, установленных основными законами ряда стран. Объектами запретов является определённая деятельность (в том числе призывы и пропаганда) по-разному определяемая в различных национальных законодательствах. В сущности, мы видим определённые сходства между тем, что в законах Канады, Германии, Нидерландов обозначается как «язык вражды» (hate speech) и «разжиганием розни» в российском законодательстве и в законодательстве ряда стран-участников СНГ.

Резюмируя, еще раз отметим, что автор ставит очень важную и серьёзную проблему – проблему обеспечения баланса между мерами защиты государства (как важнейшей части конституционного строя) от преступных посягательств и защитой прав и свобод человека. Проблема поставлена правильно, но, многие выводы сформулированы, пожалуй, слишком широко – без должной конкретизации. При этом автор, детально разбирая опыт

зарубежного законотворчества, довольно осторожен при оценках отечественных законов и практики.

Именно с этим связаны и некоторые слабые стороны работы. Вносимые диссертантом предложения, в целом, можно одобрить, но они подчас нуждаются в раскрытии и развитии.

Одно из самых серьёзных теоретических соображений связано с тем, что, по мнению автора, для того, чтобы обеспечить действенность конституционного надзора, «мониторинга» «необходимо гарантировать «конституционность» самой Конституции» (с. 96). Далее автор ограничивается тем, что указывает на важность «внутриконституционного функционального баланса». То есть проявляет осторожность, очевидно, помня о том, что российский Конституционный Суд отказался от такой постановки проблемы (о конституционности Конституции).

Иными словами. Сама Конституция должна содержать реальные ограничения всех ветвей власти, устанавливать баланс между ними. В противном случае одна из властей склонна будет злоупотребить своими полномочиями. И уж найдёт для этого благовидный предлог – будь то борьба с радикализмом или терроризмом.

Диссертант обращает внимание на опасность расширительного толкования целей антитеррористической деятельности. Скажем, этими целями не должно оправдываться ужесточение законодательства о митингах и демонстрациях. Государство, по мнению диссертанта, не имеет полномочий на применение антитеррористических мер в отношении протестных, но конституционных действий.

Но речь при этом в диссертации идёт о Германии и Бразилии. И, конечно, нам важно, чтобы эти государства соблюдали необходимый конституционный баланс между защитой от радикалов и соблюдением права собираться мирно. Но ведь подобные проблемы существуют и в Российской Федерации?

Упоминается в работе и об определённых ограничениях для пользователей и операторов сети Интернет (с. 135). Эта тема также могла бы быть развернута с учётом серьёзных дискуссий, ведущихся у нас в последние годы, в связи с принятием серий поправок в законы об информации и о персональных данных, предусматривающие дополнительные обязанности для операторов и блогеров.

Ещё раз хотелось бы отметить: определённые недостатки работы оказываются связанными с её сильными сторонами. Диссертант зачастую обозначает проблему, но не всегда пытается (или решается) в неё углубиться. При этом важность самой по себе постановки проблемы тоже должна быть отмечена.

Например, диссертант указывает, что уголовное наказание лишь за высказывания (в том числе в Сети), которые могут вызвать рознь, противоречат Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также и основам российского права (с. 74). Это его позиция по отношению к некоторым положениям ФЗ «О противодействии экстремизму». Это очень важная тема. Недавно её обсуждал на своём пленуме Верховный Суд РФ. Но развития данная тема не получает, и рекомендации по ней не сформулированы. Жаль. Они могли бы найти отражение и в положениях, вынесенных на защиту, которые только выиграли бы от определённой конкретизации.

Несколько частных замечаний. В диссертации встречаются высказывания, выглядящие несколько торопливыми и неточными.

В частности, термин «вражда» (вопреки оценке диссертанта (с. 81)) используется и в современном русском языке, и даже в ст. 282 УК.

Вряд ли можно сказать о законодательстве Израиля, что права человека там *«не совместимы с субъектом, определённым как террорист по суду, а в случае его известной деятельности – изначально»* (с. 47). Это, конечно, не

так. Лицо, обвиняемое в терроризме, пользуется всеми гражданскими правами.

В Германии действует Основной закон (термин Конституция не используется).

Эти частные замечания, как и замечания, высказанные выше, не влияют на общую позитивную оценку работы. Нам нужны исследования, посвященные проблемам баланса между защитными мерами государства и охраной основных свобод.

Диссертация Д.С.Мица – шаг в нужном направлении. Ее основные положения вполне отражены в автореферате.

Диссертант заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12. 00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; +7(495)771-32-32; ishablin@yandex.ru

Доктор юридических наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики»

И.Г. Шаблинский

Подпись профессора И.Г. Шаблинского заверяю:

Начальник отдела сопровождения
учебного процесса в магистратуре
факультета права НИУ ВШЭ

